

Марина СЕЕРОВА

САМЫЙ УСПЕШНЫЙ ПРОЕКТ ГОДА

*Гори все
синим пламенем*

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ
Евгения
ХОТНИКОВА

ЭКСМО

Телохранитель Евгения Охотникова

Марина Серова

Гори все синим пламенем

«Научная книга»

2002

Серова М. С.

Гори все синим пламенем / М. С. Серова — «Научная книга»,
2002 — (Телохранитель Евгения Охотникова)

Опыту профессионалов надо доверять. На то они и профессионалы, чтобы знать все в своем деле. А вот бизнесмен Валерий Павлович Беккер, наняв телохранителя. Женю Охотникову, не захотел прислушаться к ее мнению. И что вышло? Покушения на его жизнь, раз начавшись, следовали одно за другим К несчастью для него – неудачные. Дошло в конце концов до того, что Беккера «заказали» заезжему столичному киллеру Так бы и погиб он, если бы за расследование всерьез не взялась Женя Охотникова.

© Серова М. С., 2002

© Научная книга, 2002

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Марина Серова

Гори все синим пламенем

Глава 1

– Девушка, а вон тот кружевной пеньюарчик сколько стоит? – спросила я кажущуюся неживой продавщицу небольшого бутика и кивнула на противоположный прилавок.

– Длинный или короткий? – монотонно ответила она вопросом на вопрос, даже не посмотрев в мою сторону.

– Конечно, длинный.

– Почему «конечно»? – произнесла продавщица, не меняя ни тона, ни выражения лица.

– Да потому что в пенсионном возрасте короткое не вполне подходит, – начиная раздражаться, сказала я.

Это моя реплика послужила своего рода живой водой: девушка наконец посмотрела на меня и захлопала глазами, которые, казалось, изнемогали от невыносимой тяжести густо накрашенных ресниц.

– Вы... – удивленно протянула она, – в пенсионном?

– Нет, конечно, – я хохотнула, – моя тетя Мила.

Выслушав мой ответ, продавщица вновь отвернулась и прежним тоном назвала цену злополучного пеньюара.

– М-м-м, – разочарованно протянула я.

А повод для разочарования у меня действительно был.

Совершенно спокойно покинув утром свою квартиру и оставив тетю Милу в одиночестве, я отправилась в парикмахерскую, запланировав кое-какие покупки и короткий визит к подруге. Сидя в салоне, я невольно услышала разговор близсидящих дам, которые спорили о том, стоит ли отмечать день ангела или современному человеку достаточно празднования дня его рождения. В этот самый момент меня и осенило: у тети Милы сегодня день ангела! Не поздравив как следует любимую тетушку в день рождения, я обещала ей наверстать упущенное в день ангела и – надо же – забыла. Ох, какая же я! Мне даже и в голову не пришло, что сегодня тетя Мила не случайно поднялась раньше обычного и принялась готовить не обычные пироги, на кои она великая мастерица, а какой-то изысканный торт по новому рецепту.

Конечно, я захотела сразу же сорваться с парикмахерского кресла и лететь вперед, по магазинам – искать подарок, способный хоть в какой-то мере загладить мою вину. Ведь я с утра была так холодна с тетушкой, и – о боже! – даже не чмокнула ее перед уходом. Я чуть не выскочила прямо из-под ножниц, но, слава богу, мастер удержала меня, кивнув на зеркало, в котором я увидела невероятное отражение – одна часть головы к тому моменту являлась коротко остриженной, на другой же продолжали свисать длинные пряди. Можно было, конечно, прикинуться неформалкой, однако именно сегодня я напялила на себя классический строгий костюм, так что в этом наряде нечего было и думать изображать из себя любительницу шокирующих причесок. Пришлось терпеть до конца процедуры стрижки. Правда, все оставшееся время я нервничала и изредка дергалась, отчего, кстати, челка получилась немного неровной.

Главная проблема для меня заключалась в том, что, не собираясь приобретать ничего существенного, я взяла с собой довольно ограниченную сумму, часть которой пришлось отдать за услуги парикмахера. Поэтому теперь, после того как неживая продавщица назвала цену роскошного пеньюара, мне только и оставалось, что разочарованно мычать. А пеньюарчик, как назло, только один мне и понравился, и уходить без него не хотелось. Я стояла и неотрывно

смотрела на него, что со стороны, наверное, выглядело немного странно. А я представляла, как преобразилась бы тетя Мила, облачившись в эту шикарную волну романтических кружев...

Нет, она, конечно, не являлась леди в стиле «а-ля романтик» и вовсе не представляла собой доисторическую старуху в чепчике с многочисленными выглядывающими из-под него буклями! Моя тетушка – дама из иного, если так можно выразиться, теста. Она просто обожает детективы. В последнем из прочитанных частное расследование вела дама ее возраста. Так вот однажды, облачившись в какой-то сногшибательный пеньюар, героиня соблазнила седоволосого ловеласа, прежде абсолютно к ней равнодушного. Ловелас оказался замешанным в каком-то темном деле, и смелый шаг отважной женщины помог ей в скором будущем раскрыть преступление. Тетя Мила торжествовала после такого финала! Она как-то приободрилась и даже преобразилась внешне, а потом несколько дней подряд напевала: «Любви все возрасты покорны». Более того, тетушка начала перебирать свой небогатый гардероб в поисках какой-нибудь экстравагантной, способной сделать ее привлекательнее вещи. К сожалению, ничего подходящего так и не нашлось. А поскольку именно пеньюар сыграл во всей этой истории, несомненно, решающую роль, кружевная вещица в бутике и на меня теперь произвела такое впечатление.

– Так вы брать будете? – зевая, протянула продавщица.

– Берем, берем, – неожиданно раздалось за моей спиной.

Я обернулась, после чего сразу расплылась в широкой улыбке: передо мной стоял мой бывший одноклассник, с которым мы и после школы поддерживали теплые дружеские отношения. Затем он уехал на несколько лет за рубеж, и нить отношений между нами прервалась. Теперь же он, повзрослевший и заметно возмужавший, радостно смотрел на меня, готовый сию же минуту заключить в горячие объятия.

– Виталька?! – ахнув, воскликнула я.

– Он самый! – ответил Беккер и по-военному отдал честь.

– Ты как? Ты откуда? – ошарашенная, затараторила я.

– Давай выйдем отсюда сначала, а потом где-нибудь посидим и поговорим, – прервал меня Виталька. – Ты, кажется, что-то хотела купить? Сколько тебе на него не хватает? – Беккер кивнул на пеньюар.

Оказывается, он уже давно стоял за моей спиной и наблюдал за происходящим.

– Да это я не себе, я тетке, – с оправдывающейся интонацией начала я.

– Какая разница! – вновь перебил меня Беккер. – Сколько?

Немного смущаясь, я назвала сумму, после чего Виталий вынул из барсетки кожаный бумажник, расстегнул его и ловким движением пальцев быстро отсчитал несколько купюр.

– Ты разбогател, что ли? – прищурившись, сказала я, когда мы вышли на улицу.

– А ты откуда знаешь? – улыбнулся Беккер.

– Да как ты с денежками-то ловко: шик – шик, шик-шик... Прямо как вор-карманник!

Мы оба рассмеялись.

– А ты на мели, что ли? – успокоившись, серьезно спросил Беккер.

– Да нет, – протянула я и, махнув рукой, поведала Витальке от начала до конца всю историю про пропущенный тетушкин день рождения и про все, что за этим последовало. – Я обязательно верну. У меня деньги дома. Просто неудобно без подарка перед теткой появляться. Завтра же верну.

– Не завтра же, а сегодня! – шутливо – приказным тоном произнес Беккер. – Явишься ко мне сегодня же!

Я улыбалась, но тем не менее непонимающе подняла на него глаза.

– Бессовестная, – протянул Виталька, покачивая головой, – эх, и бессовестная... Семнадцатое число...

– Виталька! – ахнула я. – Да у тебя же сегодня день рождения! – Я хлопнула себя по лбу, проклиная собственную забывчивость. – Прости, ради бога! Поздравляю! – И я чмокнула Беккера в щеку.

– Никаких поздравлений сейчас не принимаю! В семь вечера – пожалуйста, а сейчас нет. Я еще не родился, – сказал Виталька и глянул на часы. – Ну, куда мы идем? – спросил он, так как мы все еще стояли у дверей магазина.

– Ты знаешь... – чувствуя себя немного неловко, протянула я, – наверное, никуда.

– Как?

– Я же это вручить должна! – я потрясла коробкой с покупкой.

– Успе-е-ешь, – Беккер махнул рукой.

– Нет-нет, – наотрез отказалась я. – И так ужасно виновата перед тетей.

– Ну а вечером-то придешь? – с надеждой в глазах проговорил Виталька, имея в виду намечающийся праздник.

– А ты по-прежнему один? – спросила я. – Я не буду лишней?

– Один.

– Тогда приду.

– Пожалуйста. Ведь мы столько не виделись! Столько узнать надо друг о друге и об общих знакомых...

– Приду, приду, – уже более уверенно сказала я. – А куда?

– Ко мне домой. В этот раз у нас все по-домашнему.

– Вы все там же?

– Ой, извини! – воскликнул Беккер. – Я совсем забыл: мои родители теперь в другом месте живут, ты же не знаешь.

Виталька достал из барсетки блокнот и, начеркав название улицы, номер дома и квартиры, вырвал листок и вручил мне.

– Круто! – воскликнула я, глянув на адрес. Указанный район в Тарасове считается сейчас очень престижным. Жилье там стоит дорого, что и обуславливает особенность контингента.

– Да, отец поднялся выше, – спокойно ответил Беккер.

– Тебе повезло, – немного неудачно пошутила я.

– Я так не считаю, – не принял шутки Виталик. – Отец долгие годы все наживал своим горбом. Начинал с мелочей, а теперь завод возглавляет. И я не хочу паразитировать на этом. У меня свое дело. Небольшое пока, но определенный доход приносит...

– А ты нисколько не изменился! – восхищенно воскликнула я, глядя на друга юности.

* * *

Оказавшись перед своей дверью, я на минуту замерла, прикидывая, как лучше поступить дальше. В конце концов я нажала кнопку звонка, коробку с подарком поставила к стене, а сама застыла в позе выполненного реверанса.

– Иду-у, – послышалось за дверью.

На лестничной клетке явственно ощущался сладкий аромат ванили, и я смело предположила, что торт уже готов. Однако тетя Мила не открывала долго, видимо, все еще суежилась над чем-то. В конце концов тетушка предстала передо мной нарядная и с уложенными в элегантную прическу волосами. Я не двигалась с места.

– Женя! – удивленно и радостно воскликнула она.

Я стала громко и выразительно напевать знаменитую мелодию «Happy Birthday...», раскланиваясь в многочисленных реверансах.

– Ну хватит, хватит, – остановила меня через некоторое время смеющаяся тетя, – заходи в дом.

Сделав плутоватое лицо, я подняла с полу коробку и, опустив глаза, протянула ее тете Миле.

– Ой-ой, какое чудо! – сразу разохалась она, разглядев подарок сквозь прозрачную пластиковую упаковку.

Когда же тетушка раскрыла коробку, ее восторги просто вышли за пределы возможного, и она начала осыпать меня словами благодарности.

– Угодила? – хитро спросила я.

– Угоди-ила, – протянула довольная женщина. – Ну, идем скорее за стол. У меня и торт готов, и чай остывает. Я жаждалась тебя уже.

Проголодавшись, я с удовольствием накинулась на аппетитный, украшенный пышными кремовыми розами торт.

– Тетя, ты настоящая мастерица! – закатив глаза, промычала я, откусив приличный кусок.

– Старалась, – горделиво покивала тетушка и замолчала. – А ты тоже молодец – такой чудесный подарок мне преподнесла! А я, знаешь, – тетя Мила хихикнула, – судя по твоему утреннему настроению, грешным делом подумала, что ты забыла обо мне. День ангела – не день рождения, конечно, но внимания все-таки хочется, особенно пожилому человеку...

– Ну что ты, тетя! – с успокаивающей интонацией произнесла я. – Как ты могла обо мне такое подумать!

– Жень, а ты актриса хорошая, – прихлебывая горячий чай, заметила тетушка. – Равнодушные великолепно сыграла. Ты ведь это специально сделала? Чтобы сюрприз был неожиданнее?

Мне хотелось, чтобы тетя Мила побыстрее оставила тему моего утреннего невнимания к ней и сердитости, но она, как назло, не переставала галдеть об этом. Я, кажется, начала краснеть, преследуемая муками совести. Но в конце концов меня осенило: тетушка просто-напросто обо всем догадалась, а я тут сижу сейчас и корчу из себя мисс Благородство. Проклиная свои куриные мозги, я упрекнула себя еще и в самонадеянности. Ведь действительно глупо было думать, что юрист с многолетним стажем, ходячая юридическая энциклопедия, то бишь дорогая тетушка Мила, не раскусит мой дешевый трюк.

Однако, внутренне досадуя на себя, я все же не хотела напрямую сознаться в столь непростительной забывчивости и поспешила оправдаться окольными путями, выставив ее причиной загруженность работой.

– Ох, – вздохнула я, отодвигая пустое блюдо из-под торта, – устала я от всего! Кружусь прямо как белка в колесе. Сама о себе забывать стала.

– Вот-вот, Женя, – тут же подхватила тетка, – и я о том же. Тебе надо отдохнуть и заняться собой. Ведь когда-нибудь и о личной жизни подумать надо! Тебе который уж годок, а? – Тетушка Мила хитро прищурилась. – Вот-вот, а все бобылем ходишь! Конечно, так о женщинах не говорят, но тем не менее это информация к размышлению... Помни, Женя, человек – не цветок, и цвести ему не вечно. Пускай в дело свою молодость, красоту и привлекательность. И отдыхай, отдыхай больше!

Тетка опять сумела оборотить наш разговор в нужное ей русло. В этом – в железной логике мышления – она меня всегда обходила. Одной из излюбленных тем ее разговоров со мной были беседы о необходимости моего замужества. К счастью, сейчас мне было чем ее успокоить, ибо прямо вечером я намеревалась расслабиться на дне рождения Витальки.

– Правильно, тетя, – деловито заявила я. – Что это я? Все работа да работа! А жить когда? Между прочим, сегодня я намерена исправиться...

– Правда? – с особой нежностью в голосе спросила тетя Мила.

– Угу. Иду на день рождения.

– К кому, если не секрет?

– К молодому челове-ску, – игриво ответила я.

– Вот это я понимаю, вот это другое дело! – воскликнула тетушка. Немного помолчав, она с укоризной в глазах спросила: – Надеюсь, на этот раз ты подарок заранее приготовила? Или только сейчас вспомнила о своем приятеле?

– Я вынуждена была о нем вспомнить только сегодня!

– Почему?

– Да мы не виделись несколько лет, и вот сегодня, совсем неожиданно... И он пригласил меня.

– Вот оно что! Ну ты тогда пораньше выйди из дома, чтобы успеть подарок купить!

– Конечно, – согласилась я и кивнула головой. – Ну что же? Еще раз с днем ангела!

– Тортику покушай еще, – предложила тетя Мила и потянулась к моему пустому блюду, чтобы наполнить его.

Я хотела было уже выйти из-за стола и отправиться к себе, но, дабы угодить тетушке, осталась и с аппетитом, хотя и не без труда уплела еще одну порцию вкуснейшего торта.

– Теперь душ пойду приму да отдохну немного перед вечеринкой, – заявила я, вставая из-за стола. – Спасибо за угощение!

– А тебе за подарок, моя дорогая, – тетя потянулась ко мне и наградила звонким поцелуем в щеку.

Покачиваясь из-за потерянного чувства равновесия, вызванного переполнением желудка, я поплелась в ванную. У меня в запасе было несколько часов, пару из которых я могла потратить на отдых, пару – на приведение себя в порядок и приобретение подарка. Освежившись под душем, я тяжело опустилась на кровать и на некоторое время забылась в каком-то странном, поверхностном сне.

Мне снилось море – бушующее и страстное, мутное и свирепое. Оно катило свои огромные, вздымающиеся на несколько метров волны прямо на меня, а я стояла на берегу и почему-то никак не могла сойти с места, беспомощно подчиняясь воле злого рока. Вдруг один вал вырвался из общей кипучей массы и яростно бросился на меня, готовый поглотить мое маленькое тело в своем огромном зеве. В этот миг я проснулась и вскочила с кровати.

– Не к добру это все... – еще сонная, пробормотала я, глядясь в зеркало.

Глава 2

– Ну что? Как я выгляжу? – самодовольно вопрошала я, вертясь перед тетушкой.

– Жень-я, – восхищенно протянула та, – ты будешь просто вне конкуренции. – Очень просто, но в то же время изысканно и оригинально. Не зря же Коко Шанель сказала, что мода – это маленькое черное платье...

Я на самом деле, долго промучившись у своего гардероба, выбрала из всего имеющегося черное, прямого кроя, на тонких бретелях платье, едва достигающее до колен. Оно идеально смотрелось в сочетании с замшевыми туфлями на высокой шпильке и делало меня еще стройнее, привлекательней, сексапильней. Ансамбль я дополнила парой побрякушек и изящной замшевой сумочкой, после чего сочла, что мой вид вполне достоин комплимента. А ударить в грязь лицом не хотелось: судя по всему, контингент у Беккеров должен собраться элитный.

– Спасибо! – довольная одобрением, ответила я тетушке и ласково прислонилась к ее щеке своей.

– Ну иди, иди, а то опоздаешь, – поторопила она меня.

Я покинула квартиру, настраиваясь на предстоящее веселье. В самом деле, мне просто необходимо было расслабиться. Моя работа как бы предполагает создание вокруг меня стрессовых ситуаций, а от стрессов следует избавляться хотя бы путем их нейтрализации положительными эмоциями. Думаю, сегодняшний визит к Витальке принесет достаточно именно положительных эмоций.

Выйдя во двор и глянув на свой «Фольксваген», я брезгливо поморщилась: его покрывал нажитый за день чехол из пыли. М-да... Если я заявлюсь в гости на такой грязной машине, то в своем вечернем наряде буду выглядеть как роза среди, извиняюсь, навоза. Чтобы этого избежать, еще по пути к магазину «Подарки» я заскочила в автосервис, где моему верному «Фольксвагену» придали вид, приличествующий автомобилю столь элегантной дамы, как я... сегодня.

Подарок я выбирала недолго, сразу остановив выбор на дорогой шариковой ручке из довольно знаменитой и популярной нынче коллекции. Ручка лежала в красивом замшевом футляре, что превращало ее из вещи просто необходимой в вещь подарочную, поэтому мне не пришлось дополнительно заботиться об упаковке. И через двадцать минут я уже ехала по нужной улице в поисках нового Виталькиного дома.

Жилище Беккеров оказалось шикарным двухэтажным особняком из темно-красного кирпича, построенным в готическом стиле. В области чердака на фронте дома красовались огромные часы, посмотрев на которые я убедилась, что к месту прибыла вовремя. Впрочем, об этом свидетельствовали стоящие в ряд у забора три иномарки – видимо, гости уже собрались.

Я припарковалась на свободном месте, благо его было достаточно: на заасфальтированной площадке перед особняком свободно смогли бы разместиться еще несколько автомобилей. Дом окружал высокий кирпичный забор, а в центре его, если смотреть со стороны улицы, располагалась массивная деревянная дверь, которую вообще-то принято называть калиткой. Однако у меня просто язык не поворачивался окрестить это дубовое изделие данным словом.

Нажав на кнопку звонка, я еще раз, теперь уже профессиональным взглядом, окинула забор и заключила, что при желании его вполне можно преодолеть, даже не пользуясь лестницей. Я посмотрела на окна дома, загороженные красивыми коваными решетками, – в ответ на мой звонок ни одна занавеска не пошевелилась.

– Кто там? – раздался из домофона голос Виталия.

– Евгения Охотникова, – официально представилась я.

Домофон тут же замолчал, и через некоторое время Беккер-младший уже стоял передо мной с расprostертыми объятиями. Я дружески чмокнула его в щеку и сразу же преподнесла свой подарок, сопроводив его коротеньким стихотворным поздравлением.

– Спасибо, спасибо, – улыбаясь, отвечал мне Виталька. – Ну что же ты стоишь? Проходи.

– погоди, – остановила я его. – Пока мы одни, я тебе долг возвращаю.

– Ты с ума сошла! – Беккер расхохотался и движением руки остановил меня. – Даже не думай! Идем.

Я не стала настаивать и вошла в дверь. На меня сразу пахнуло неповторимым цветочным ароматом. Я огляделась: дом сплошь окружали клумбы, изобилующие самыми разнообразными растениями.

– Какая красота! – восхищенно воскликнула я.

– Это все мама, – пояснил мой друг. – Она по части цветов большой знаток и любитель.

– Неужели такая красота никем не охраняется? – задала я вопрос, снова продиктованный чисто профессиональным любопытством.

– Ну... – протянул Виталька, – мордovorотов мы не держим, если ты это имеешь в виду. Их замещают два огромных волкодава. Но сегодня они томятся взаперти в задней части двора. Согласись, свирепый лай собак, недовольных появлением чужих людей, никак не прибавит в праздник удовольствия.

– Ну да, конечно, – согласилась я.

Виталий повел меня дальше по довольно широкой дорожке, окаймленной беленым бордюром.

– Пойдем дом посмотрим? – предложил Беккер.

Меня это немного удивило, поскольку я могла то же самое сделать в процессе, так сказать, празднования. Но когда из глубины сада появился отец Беккера в запачканном переднике с шампурами в руках, я поняла, что торжество будет проходить на свежем воздухе. И тут я ощутила, что к аромату цветов примешивается ни с чем не сравнимый запах жарящегося над углями мяса.

– Шашлык готов, – объявил нам издали Беккер-старший.

– Ну что, будем дом смотреть? – повторил свой вопрос Виталька.

– Да нет, – ответила я, – здесь гораздо интереснее.

На самом деле я должна признаться, что подобные особняки мне порядком надоели – за время своей работы телохранителем я вдоволь насмотрелась на довольно однотипное убранство богатых комнат. А вот приятное времяпрепровождение в цветущем саду являлось пока для меня диковинкой.

В это время Беккер-старший приблизился к нам. Он с интересом оглядел меня и, не скрывая восхищенного взгляда, представился:

– Валерий Павлович, – и тут же добавил: – Что-то в вас кажется мне знакомым...

– Это моя одноклассница, папа, Женя Охотникова, – пояснил Виталька.

– То-то я смотрю... – протянул Беккер-старший. Но, думаю, он вряд ли мог узнать меня и вряд ли вообще мог помнить. Во время нашей с Виталькой юношеской дружбы я всего несколько раз бывала у него дома, и если и заставала вечно занятого Валерия Павловича, то всего только на минуту. Он, помнится, все время поглядывал на часы и куда-то спешил, а здороваясь, смотрел всегда мимо меня. Я просто не вызвала у него интереса. Не то что теперь... Валерий Павлович вдруг стал похож на кота, разомлевшего от пригревающих лучей солнца, когда улыбнулся и осторожно коснулся губами моей руки.

– Идем, – сказал Виталька, заметно недовольный отцовским поведением, и пропустил меня вперед.

Мы углублялись в сад, и он все больше удивлял, восхищал и очаровывал. Удивлял разнообразием цветов и дизайном клумб. Кто-то очень постарался, устроив все здесь с необыкновенной любовью и безупречным вкусом.

– Твоя мама просто умница! – восхищенно заметила я. – Как она со всем этим справляется?

– Ей садовник помогает, – ответил Виталька.

Сзади послышалось пыхтение. Оглянувшись, я увидела Валерия Павловича, пытающегося нас догнать. Он обнимал несколько бутылочек с кетчупом, и казалось, они вот-вот падают из его рук.

– Давай-ка их мне, – предложил отцу свою помощь Виталька.

Тот сразу с радостью освободился от ноши, подошел ко мне, заняв место сына, и принялся меня обхаживать, неся абсолютную чепуху.

Мы миновали ряд довольно высоких цветущих кустарников, и в нескольких метрах за ними я увидела некое подобие шатра. Посреди небольшой заасфальтированной площадки стоял стол, заслоненный от солнца куполообразным навесом.

Присутствующие сразу же с интересом обратились в нашу сторону. Вопреки моим ожиданиям, гостей было немного, что мне понравилось. В одной из женщин я сразу узнала сестру Виталия, а во второй – мать. Они тоже, казалось, узнали во мне знакомого человека, но не решались назвать по имени, поскольку, наверное, боялись понадеяться на свою память.

– Прошу любить и жаловать, – безапелляционно заявил Виталька, – Евгения.

– Очень приятно, – в один голос заявили женщины и наградили меня дружески мягкими взглядами.

– Я вас помню! – после небольшой паузы заявила мать Беккера.

– И я, – добавила сестра, – вы с Витасом вместе учились? Я угадала?

Сестра была на пять лет старше Витальки, поэтому, когда мы только начали осмысленно с ним дружить, она уже заканчивала школу и вскоре вообще покинула родительскую обитель, отправившись покорять один из столичных вузов. Помню, впервые увидев меня рядом с братом, она окрестила нас женихом и невестой, заставив меня изрядно покраснеть. Я тогда ответила ей что-то резкое. Наверное, именно поэтому она меня и запомнила.

– Муж моей сестры Виктории Саша, – стал мне представлять присутствующих Беккер. – А это моя тетя Лена и ее супруг Михаил.

Последние из представленных – их я никогда раньше не видела – как-то неестественно улыбнулись и сели за стол.

– Всех прошу к нашему шалашу! – громко заявил Беккер-старший, и те, кто еще стоял, расположились на белых пластмассовых стульях, окружавших стол.

В центре стола дымила огромная фарфоровая чаша, наполненная кусочками шашлыка с аппетитными румяными корочками. Все остальное являлось дополнением к этому яству: разнообразные салаты, закуски, соусы и прочее. С удовольствием я отметила стоящее в специальном ведре вино. Оно по самое горлышко было засыпано кусочками льда. Хотя и говорят, что вино употребляют лишь в слегка охлажденном виде, сейчас мысль о холодной влаге меня обрадовала, так как было все еще очень душно, несмотря на уже закатившееся за холм солнце.

Единичные высказывания собравшихся за праздничным столом вскоре переросли в гул разговоров, мне было по-настоящему весело. Мужчины шутили, острили, произносили комплименты. И вообще – все старались доставить мне удовольствие, наверное, видя во мне будущую спутницу жизни Витальки.

Я, естественно, была посажена рядом с ним, а по другую руку от меня – нетрудно догадаться – примостился Беккер-старший. Вследствие этого недостатка в уходе я не испытывала. Более того, мне приходилось выслушивать двух мужчин одновременно. Мать

Витальки, Юлия Николаевна, к поведению мужа отнеслась весьма снисходительно, тем более что ее развлекал какими-то веселыми историями старающийся угодить зять.

Через час такого времяпрепровождения все настолько оживились, что захотелось подвигаться. Беккер-старший включил музыку и первым начал выделывать такие выкрутасы, какие, наверное, ему не снились и во времена молодости. Он был забавен, даже смешон, но смешон по-доброму, поэтому никто не сдерживал бурного хохота, а дочь даже аплодировала разгулявшемуся папаше. Правда, когда он пригласил в качестве партнерши на свой танец меня, мне как-то расхотелось смеяться, ибо для соблюдения гармонии я тоже должна была на некоторое время стать клоуном. К счастью, нас с моим кавалером поддерживали остальные. Они тоже стали плясать, исполняя просто умопомрачительные па и до слез хохоча друг над другом.

Танцы прерывались очередными тостами, когда все садились за стол, а потом снова продолжались. Вскоре все, почувствовав себя уставшими, решили расходиться. Пока гости осыпали словами благодарности Юлию Николаевну, Виталька отозвал меня в сторонку и тихо сказал:

– Останься. Мы толком и не поговорили ни о чем.

– Да неудобно как-то, – ответила я, – все уж расходится.

– Брось ты, мы в саду тихонько посидим, поговорим. У нас во-он там, – Беккер указал рукой в правую сторону, – скамейка есть и качели.

– Ну не знаю... – неуверенно протянула я.

– Да ты чего как маленькая! Мама, между прочим, комнату для нас двоих уже приготовила.

– Что? – ахнула я.

– Ты не заметила, когда она отлучалась?

– Не-ет.

– А я заметил. В моей комнате загорелся свет, и за прозрачным тюлем замелькал силуэт мамы, обнимающий огромные подушки. До этого я стелил себе постель сам.

– Хм, – приснули мы оба с Виталькой.

– А чего, может, тряхнем стариной? – подмаргивая, предложил Виталька. Он явно намекал на то, как мы – не помню уж, в каком классе, – целовались после уроков в подъезде моего дома.

– Иди ты! – смеясь, ответила я.

Между тем все присутствующие обратили внимание на наш заговорщический вид. Я заметила, как Юлия Николаевна махнула им рукой, чтоб уходили, а нам сказала:

– Идемте в дом?

– Да нет, мам, – отозвался Виталька, – мы в саду посидим.

– На свежем воздухе-то оно, конечно, лучше, – сказал Валерий Павлович. В его взгляде легко читалась зависть к сыну.

– Ну как хотите, – сказала Юлия Николаевна и, повернувшись к мужу, добавила: – Ты иди гостей-то проводи!

– Да-да, – торопливо пробормотал Беккер – старший и заспешил по тропинке за удаляющейся компанией.

Юлия Николаевна стала убирать со стола, и я не удержалась – предложила свою помощь. Она стала было отказываться, однако Виталька поддержал мою инициативу.

– Тут и убирать-то нечего, – заметила Юлия Николаевна. – Тарелки только донести до мойки и все, а подмету я здесь завтра.

Но мы уже приступили к делу.

– Юля! – послышалось чуть позже издалека.

Обернувшись, мы увидели на другом конце тропинки Валерия Павловича.

– Я к себе, – сообщил он.

Виталька пояснил:

– У отца в подвальном помещении возле гаража есть уединенная комнатка, где в жару всегда особая прохлада. К тому же там у него свой бар с богатой коллекцией спиртных напитков, бильярд и все такое прочее. В общем, настоящее мужское логово. Он там часто уединяется, когда гости расходятся.

– М-м, – понимающе протянула я.

– Вы идите, идите, – махнула рукой Юлия Николаевна, – остальное я сама.

На столе на самом деле было почти пусто. Шашлык и закуски гости смели практически подчистую, а посуду мы собрали аккуратными стопками.

Во дворе все затихло. Беккер-старший ушел к себе, Юлия Николаевна удалилась на кухню. Тетя Лена с дядей Михаилом отправились восвояси, сестра Витальки и ее муж тоже уехали – они жили отдельно. В общем, в этом большом, полном сказочной красоты саду мы с Виталькой остались одни.

Он потянул меня за руку:

– Идем.

Я, засмеявшись, как семнадцатилетняя девчонка, подчинилась.

– Хочешь собак посмотреть? – предложил Беккер.

– Хочу, – из любопытства согласилась я.

Мы побрели по тропинке и вскоре очутились у небольшого кирпичного сооружения, названного Виталькой будкой. На мой же взгляд, строение больше походило на собачий дворец. В нем даже было большое окно, заслоненное красивой кованой решеткой.

Еще издали я услышала, как из «будки» донеслось рычание. Когда мы приблизились, оно стало еще агрессивнее. Виталька осветил внутрь фонариком. В темноте сверкнули две пары готовых к прыжку злобных глаз.

– Виталь, что-то они беспокойно ведут себя... – заметила я.

– Брось ты! – отмахнулся школьный друг. – Просто обожались! Отец им навалил всякой всячины, чтоб не гавкали, когда народ соберется. Как бы не сдохли от переедания...

Одна из собак молча рванулась к окну, но лапа ее застряла между двух железных прутьев, и она зло заскулила.

– И все же они явно тревожатся, – заметила я.

В опыте моей работы было и общение с собаками, и я знала особенности их поведения. Пес Шерлок, вверенный мне лично в одной из серьезных компаний, в случае надвигающейся опасности вел себя именно так, как сейчас беккеровские волкодавы.

Однако Виталька вновь отмахнулся:

– Ты же чужая, вот они и выражают свое недовольство. Ладно, идем отсюда.

Беккер вновь потянул меня за руку, и мы медленно побрели по тропинке по направлению к скамейке, о которой говорил Виталька.

– Ну, рассказывай, – обратился он ко мне. – Что нового с тобой произошло за эти годы? Ты все так же охраняешь тела?

– Куда ж я от них денусь? – ухмыльнувшись, ответила я и поведала Беккеру несколько самых горячих историй из произошедших со мной.

К этому времени мы достигли нужного места. Виталька плюхнулся на скамейку, а я села на качели и продолжала перечислять последние события своей жизни. Беккер многому удивлялся, и в его глазах светилось все больше и больше восторга.

– Ты удивительная! – через некоторое время произнес он. – В тебе удивительно все. Как вообще красивую молодую девчонку понесло учиться в этот чертов спецотряд, будь он неладен? Да с твоей внешностью и с твоим ростом тебе бы на подиуме стоять, а не от подонков отстреливаться! Ох, боюсь я за тебя, Женька...

Виталька подошел ближе и стал тихонько раскачивать качели.

– Не бойся, – ответила я, – где наша не пропадала!

Мы одновременно хихикнули, а потом я предложила:

– Ты лучше о себе расскажи. Теперь твоя очередь.

Беккер остановил качели и разместился рядом со мной. Благо места здесь хватило бы еще на двоих: качели напоминали скорее скамью в каком-то старинном стиле.

– О себе, говоришь? – Виталька обнял меня.

Кстати сказать, отношения между нами всегда были только дружескими. И теперь, когда детство осталось далеко позади, мне как-то неловко было ощущать на своей коже дыхание Беккера – близкое, по-настоящему мужское и будоражащее. Какая-то горячая волна прошла по моему телу, и Виталька, мне казалось, чувствовал сейчас то же самое. Он молчал и только пальцами легонько перебирал по моей спине.

– Знаешь, – сказала я, почему-то решив нарушить это романтическое молчание, – мне срочно надо в одно место. Понимаешь куда?

– В туалет, что ли? – хмыкнув, спросил Беккер.

– Угу.

– Да вон за кустик сходи, – смеясь, предложил Виталька.

– Да ты что! – всерьез возразила я. – Эти чудесные цветы подарили мне неповторимое эстетическое наслаждение, и я ни за что не решусь на такое кощунство!

– Идем, я тебя в дом провожу, – сказал Виталька.

– Идем, – сначала согласилась я, но потом с сомнением сказала: – Ой, неудобно что-то. Юлия Николаевна устала, а мы ее разбудить можем.

– Да мы тихо. Ее комната на втором этаже. Хотя, впрочем... – Виталька задумался. – Есть и другой выход. Неподалеку от гаража у нас находится уличный санузел. Он для садовника, но там вполне прилично. Разрешаю тебе туда наведаться.

– Ты останься. Я сама найду, – сказала я. – Объясни только, как пройти.

– Да здесь негде заблудиться. – Беккер ухмыльнулся.

– Может быть. Но так кажется человеку, которому тут все знакомо. А я будто попала на неизвестную планету.

Виталька молча согласился и больше жестами, чем словами, указал дорогу. Я торопливо зашагала по тропинке, не переставая любоваться освещаемыми фонарями клумбами.

Неожиданно мое внимание привлекла лежащая на траве пачка из-под сигарет. Поначалу это возбудило во мне удивление, поскольку данный предмет нарушал сложившееся впечатление о безупречном порядке в саду. «И кто только руку поднял на такую красоту?» – поначалу закружилось в моей голове. Затем заработала логика. «Чье это?» – вопрошал внутренний голос. На вечеринке никто из присутствующих не курил, кроме беккеровского зятя. Но он, будучи человеком состоятельным, предпочитал и сигареты соответствующие. А на той пачке, которую я сейчас довольно тупо разглядывала, отчетливо значилось – «Прима».

Странные подозрения зашевелились в моей душе. Вспомнились встревоженные псы, сон, породивший дурные предчувствия. Мне стало как-то не по себе.

Внутренне собравшись, я двинулась дальше. Неожиданно невдалеке мелькнула чья-то тень. Она удалялась в направлении выхода со двора. Удалялась быстро, почти молниеносно. «Не Юлия Николаевна, не отец семейства... – мелькнуло в моей голове. – Тогда кто?»

– Сто-ой! – заорала я как оглашенная и кинулась за тенью.

Догнать, следуя по тропинке, было просто невозможно, и я, забыв о божественных творениях, произрастающих на клумбах, рванула вперед, минуя райские грядки. Где-то впереди раздался грохот, звон и послышавшаяся за ним матерная ругань. «Я не ошиблась», – подумала я и снова заорала:

– Стой, я сказала, сволочь!

Вслед за этими словами мой каблук неожиданно увяз во влажной почве. Сделав резкий рывок, я только навредила себе. Потому что свалилась, в тот же момент почувствовав резкую боль от уколов шипов какого-то растения.

– Сто-ой, стрелять буду! – возопила я, совершенно забыв, что сегодня мне и стрелять-то не из чего.

Поднявшись, я увидела два силуэта, усердно карабкающиеся по забору.

– Ага! – закричала я и метнулась к ним.

Однако никакого оружия или хотя бы орудия труда под рукой не было. Я взмолилась: хоть бы лопата какая-нибудь попалась. Но здесь царил идеальный порядок, и все вещи имели свое место. Бросив взгляд в сторону, у стены дома я неожиданно обнаружила ящик, наполненный пустыми бутылками из-под вина, шампанского и кетчупа. К счастью, от них еще не успели избавиться. Поскольку тайные недруги к этому моменту уже взобрались на самую верхушку кирпичной стены, мне ничего не оставалось, кроме как начать метание в них пустой посуды.

Однако бросать я умела метко. Первая же тяжелая толстостенная бутылка, рассчитанная на литр жидкости, попала в цель. Мужик завыл, пошатнулся и опрокинулся. Только опрокинулся, к моему несчастью, за забор, на улицу. Получилось, что я невольно помогла ему удалиться отсюда. Второй, испугавшись, спрыгнул сам и тоже заорал от боли – приземление с такой высоты никому не могло доставить удовольствия.

В несколько прыжков я достигла калитки. Но она была снабжена несколькими премудрыми замками, открыть которые в мгновение ока не удалось бы никому. За стенкой заурчал мотор какого-то автомобиля, вслед за чем послышался визг шин спешно отъезжающей машины.

– Опоздала... – разочарованно пробормотала я.

Но мысль, молнией сверкнувшая у меня в голове, о том, какова цель визита незваных гостей, не дала мне расслабиться. Я ахнула и рванула к помещению, в котором скрылся некоторое время назад Беккер-старший. Дверь оказалась незапертой. Собираясь открыть ее, я взялась за ручку, но тут же почувствовала прикосновение к чему-то влажному и липкому. Поднесла руку поближе к глазам и обомлела – кровь!

Я резко открыла дверь. Сразу за ней начиналась лестница – вниз вели многочисленные ступеньки. Я быстро спустилась и оказалась в довольно длинном темном коридоре. «Вот почему мы с Виталькой ничего не услышали», – подумалось мне. Я двинулась вперед и наконец остановилась перед еще одной дверью. Прислонилась к стене и осторожно потянула за ручку. Дверь со скрипом отворилась, но за ней царило безмолвие.

Подождав пару секунд, я с опаской выглянула и увидела: на полу лежал Беккер-старший, и из-под его тела струйкой сочилась кровь.

– Что там такое? – послышался сверху тревожный голос Витальки.

Я крикнула:

– Иди сюда! – и стала прощупывать пульс у Валерия Павловича.

– Сынок, что там? – раздался с улицы взволнованный голос Юлии Николаевны.

– Не знаю, – ответил Виталька, – иди домой.

Он явно предчувствовал недоброе, поэтому старался уберечь мать от возможного потрясения.

– Отец! – воскликнул Беккер, показавшись за моей спиной.

– Успокойся, – сухо сказала я, – он жив. Жив, но без сознания. Тащи аптечку скорее, перевязать надо.

В коридоре уже слышались приближающиеся шаги Юлии Николаевны.

Виталька бросился к двери и скрылся за ней.

– Что там? – дрожащим голосом спрашивала женщина.

– Мама, успокойся, – сказал ей Беккер-младший, – отец ранен.

– Пусти! – вскрикнула она и рванула ручку двери.

Нетрудно догадаться, что за этим последовало: как только женщина увидела лежащего на полу мужа, она разразилась воплями ужаса и отчаяния.

– Юлия Николаевна, – тихо сказала я. – Время слишком дорого, «Скорую» вызывайте.

– Да, да, конечно, – залепетала она, поднимаясь с колен, и направилась к стоящему неподалеку телефону.

В дверях показался Виталька с аптечкой в руках.

– Зачем? Что ты делаешь? – закричал он и кинулся к матери.

Вырвав у нее трубку, Беккер сбросил набранный номер.

– Это сейчас может быть опасно. Лучше Григория Семеныча вызвать, – сказал Виталька.

– Кто это? – спросила я, доставая из аптечки необходимое.

– Знакомый врач. Он очень знающий специалист и многим отцу обязан. Выручит.

Беккер стал набирать какой-то номер. Ему ответили не сразу, так как время было уже довольно позднее. Однако, выслушав тревожные Виталькины слова, на том конце провода ему сразу же ответили согласием, и это немного всех нас успокоило.

– Помоги, – кивнула я Витальке и спросила: – Ножик здесь найдется?

Юлия Николаевна подошла к бару и достала небольшой набор в красивой коробке. Там было несколько штопоров и ножей.

– Вот, – сказала она и протянула мне нож со сверкающим острым лезвием.

На Валерии Павловиче поверх рубашки был надет плотный пиджак.

– После улицы в этой прохладе и влажности простыть можно, а Валера после пневмонии. Побоялся простудиться вновь... – пояснила Юлия Николаевна.

Я ловко поддела ткань в области плеча и распорол ее по шву. Кровь сочилась именно отсюда.

– В плечо? – склонившись, спросил Виталька.

– Нет, чуть выше, – осторожно отогнув края распоротого пиджака и рубашки и повнимательнее присмотревшись, сказала я.

Юлия Николаевна тихонько завывала.

– Успокой ее, – сказала я Беккеру, – жить будет.

Обработав края раны, я несколько хладнокровно констатировала:

– Стреляли из «АК-74» с глушителем. С расстояния не более пятидесяти сантиметров.

– Стреляли? – с ужасом в голосе произнесла Юлия Николаевна. – Может, он упал просто? Голову разбил? Выпил ведь сегодня немало... – несмело добавила она.

– Мама! – раздраженно остановил ее Виталька.

– Но откуда... откуда вы знаете, Женя? – не унималась супруга Беккера.

– Да уж знаю... Так вот: стреляли практически в упор примерно с расстояния полуметра. На плотной ткани пиджака остался след. Видите? – я еще раз отогнула край одежды. – Угол нахождения оружия по отношению к объекту... да, около пятидесяти градусов. А вот почему промахнулись и почему ошибку не исправили? – Я задумалась. – Вероятнее всего, Валерий Павлович дал хороший отпор. Да, я уверена.

– Папа ведь борьбой занимался, – поддержал меня Виталька.

– И еще, – продолжала я, – кто-то стоял на шухере и заметил мое приближение...

– Но как... Как вы это все определяете? – удивленно бормотала Юлия Николаевна.

– У меня достаточно опыта, чтобы ориентироваться в подобных ситуациях.

– Мама, Евгений – профессиональный телохранитель, – пояснил Виталька.

– Как-ка-ак? – удивленно протянула не на шутку удивленная женщина.

– Бодигард, – подтвердила я.

– Так это же... просто замечательно, Женечка! – Юлия Николаевна кинулась ко мне. – Вы нам поможете? Ведь Валерия Павловича теперь обязательно нужно охранять! А вы... Ваша

быстрота реакции... осведомленность... опыт... Вы нужны нам. Пожалуйста! На вознаграждение мы не поскупимся.

– Жень, на самом деле... – поддержал мать Виталька.

Я молча перевязывала рану.

– Ну? – вновь с надеждой в голосе спросил Беккер-младший. – Жень, тебе ведь можно доверять. Мы заплатим...

– Разве я тебя брошу? – вздохнув, сказала я и посмотрела в глаза Витальке.

Я закончила перевязку раны и хотела было попытаться предпринять другие способы «оживления» Беккера, как вдруг послышался сигнал подъехавшего к дому автомобиля.

– Григорий Семенович! – воскликнул Виталька и побежал наверх. Юлия Николаевна бросилась за ним.

Я осталась в помещении возле раненого. Через пару минут с улицы слышались перебывающие друг друга голоса: Виталька и Юлия Николаевна по дороге в подвал одновременно пытались изложить доктору суть возникшей проблемы. Уже заходя в комнату, где находилась я, Григорий Семенович сухо и строго остановил их:

– Тихо! Говорите кто-нибудь один! Виталий Валерьевич, давайте вы. Юлия Николаевна слишком взволнована.

Произнося эти слова, врач опустился на колени рядом с лежащим Беккером и стал его осматривать, слушая рассказ Витальки. На меня он не обращал абсолютно никакого внимания до тех пор, пока не присмотрелся к наложенной на рану Валерия Павловича повязке.

– Довольно профессионально, – вставая, заметил врач по поводу выполненных мной действий.

– Что? Что с ним? – залепетала супруга Беккера, вопрошающе глядя на доктора.

Ответ Григория Семеновича лишь подтвердил то, что я в своих предположениях относительно диагноза, если так можно выразиться, не ошибалась. Судя по всему, теперь, когда кровотечение остановлено, Беккер-старший должен был прийти в себя. Он вряд ли успел потерять много крови, поэтому дополнительными причинами его бессознательного состояния могли быть шок и возможное сотрясение мозга.

Доктор вытер поданной Юлией Николаевной салфеткой руки и стал давать указания по дальнейшему уходу, одновременно записывая на листочке названия необходимых лекарственных препаратов. Поведение Григория Семеновича меня поразило. Видимо, у Беккеров на самом деле существовали веские причины вызывать в столь ответственный момент именно этого человека и отказываться от помощи официальных медиков. Семейный доктор был мужествен, не задавал лишних вопросов, действовал быстро, не допуская никаких эмоциональных всплесков.

Как оказалось, Григорий Семенович прихватил с собой и носилки, которые они с Виталькой быстро принесли из его машины. Валерия Павловича было решено перенести в дом. Оставаться в подвале, похожем на потайной бункер, не имело смысла, к тому же Григорий Семенович намеревался поставить пациенту капельницу с каким-то лекарством, чтобы обеспечить более быстрое возвращение раненого к жизни. Мужчины осторожно приподняли Валерия Павловича, положили на носилки и, медленно продвигаясь по коридору, стали выносить из этого подвального помещения.

Я старалась не мешать ни ненужной в этот момент помощью, ни какими-либо советами, а Юлия Николаевна, обхватив лицо руками, с ужасом созерцала перемещение своего супруга. Когда Валерия Павловича уже вынесли на улицу, я прихватила оставленный врачом чемоданчик и тоже покинула злосчастное «логово» Беккера-старшего.

– Спасибо, – кивком поблагодарил Григорий Семенович, заметив мои действия.

Юлия Николаевна опередила мужчин, чтобы открыть двери в дом. Она все еще никак не могла успокоиться, и руки ее дрожали.

Войдя в гостиную, я немало удивилась ее великолепию. Такое впечатление производила комната, скорее всего из-за размеров и обилия света. Даже сейчас, в полуночное время суток, кипенно-белые стены и яркое освещение создавали ощущение самого что ни на есть солнечного дня.

Беккера положили на широкий диван, обтянутый белой кожей. В этот момент в его лице что-то, мне показалось, шевельнулось. Хотя нет, желаемое я приняла за возможное. Григорий Семенович сразу же приступил к делу, раскрыв свой саквояж и начав доставать из него все необходимое.

Через минуту он обернулся и с укоризной посмотрел на Юлию Николаевну.

– Что вы стоите? – строго обратился он к ней.

– Что? – взволнованно переспросила она.

– Я вам список для чего написал? Действуйте, поезжайте в аптеку!

– Конечно, конечно! – схватился за голову Виталька. – Я поеду сейчас же.

И тут в разговор решила вступить я:

– Думаю, поехать следует вам, Юлия Николаевна.

– Как? Почему? – удивился Виталька.

– Раз уж вы попросили меня стать бодигардом Валерия Павловича, я начинаю выполнять свою работу. Но без оружия и кое-каких необходимых мне технических средств гарантировать безопасность клиента я не могу. Поэтому предлагаю: в аптеку едет Юлия Николаевна, а Виталий – ко мне домой. Он привезет все, что я скажу.

– А почему ты сама... – начал было Беккер-младший, но я его перебила:

– Еще раз говорю: я свой гонорар отрабатываю добросовестно. При клиенте нахожусь неотлучно. Так что действуйте.

– Но для мамы это тоже небезопасно, – вновь возразил Виталька.

– Она машину водить умеет? – спросила я.

– Да, – ответил Беккер.

– Значит, вернется быстро, – заключила я. – А за Юлию Николаевну волноваться сейчас не стоит – если бы преступников хоть сколько-нибудь интересовала ее персона, они бы и о ней заодно «побеспокоились», – я кивнула на Валерия Павловича.

– Я Виталика никуда не отпущу! – категорически заявила вдруг супруга Беккера.

– Ну знаете что! – я начала выходить из себя. – Давайте в таком случае вызовем милицию! Валерия Павловича увезут в больницу и, может быть, приставят к нему для охраны парочку молоденьких милиционеров, а я преспокойно отправлюсь домой. Только предупреждаю – дело это не самое надежное. Так что решайте – либо вы слушаетесь меня, либо...

– Господа, будьте мужественны! – вступил в разговор доктор. – Девушка дело говорит. Раз уж вы решили скрыть от общественности произошедшее, придерживайтесь намеченного и далее. Лекарств, которые я прихватил с собой, в принципе для оказания первой необходимой помощи хватит. Однако лучше быть готовыми ко всему и заранее позаботиться о дальнейшем лечении Валерия Павловича.

– Может, все же я все, что нужно, привезу? – несмело предложил Виталька.

– Чем быстрее я вооружусь, тем лучше, – холодно ответила я.

Теперь никто возражать не стал. Видимо, Григорий Семенович был для этой семьи настоящим авторитетом, да и мои слова, наверное, не прошли даром. Ведь на самом деле такой выход из положения являлся самым оптимальным.

Я быстро нацарапала записку тете Миле и протянула ее Витальке. Прочитав ее, тетюшка должна была впустить моего посланника в квартиру и предоставить ему право распоряжаться кое-каким имуществом, хранящимся в потаенном уголке моей комнаты. Тетя наверняка ахнет и начнет волноваться, вникнув в содержание изложенного на бумажке, но ничего другого мне не оставалось.

Беккер-младший постоял немного, задумавшись над запиской, а затем, вдруг хлопнув себя по лбу, воскликнул:

– Какой я болван! Отец же мне говорил...

После этих слов он кинулся на второй этаж, перепрыгивая сразу через несколько ступенек, и через пару минут вернулся оттуда с пистолетом. Я сначала обрадовалась, но когда Беккер подошел ближе, разочарованно протянула:

– Га-азовый... Им только ворон пугать! Такое оружие знаешь как называют? Дамская пукалка. Мне же предстоит выполнять мужскую работу. Возьми, если хочешь, эту игрушку с собой или лучше Юлии Николаевне дай. А мне, очень прошу, поскорее мое доставь.

Беккер не стал перечить, положившись наконец на мой опыт, и протянул пистолет матери. Она немного засмушалась, а потом, как бы взвесив пистолет в руке, прижала его к себе и направилась в свою комнату.

Юлия Николаевна наскоро собралась, и вскоре они с сыном усаживались по разным машинам. Виталька, к счастью, имел собственное авто, а у нее была доверенность на вождение машины мужа.

Глава 3

На данный момент я осталась в доме Беккеров не только как телохранитель Валерия Павловича, но и как человек, ответственный за весь огромный особняк в целом. Ответственный потому, что опасность могла нагрянуть из любого уголка пространства, окружающего дом. А площадь прилегающей территории, думаю, являлась немаленькой. Один только виденный мной сад чего стоил...

Заперев за отбывшими ворота на все имеющиеся замки, я вернулась в дом. Григорий Семенович успел поставить Беккеру капельницу и теперь сидел неподалеку в кресле, разминая в руках толстую сигару. Увидев меня, он протянул:

– Мне, наверное, немало еще придется здесь находиться, а я еще не ужинал. Приготовьте что-нибудь.

– Кто? Я? – от изумления я лишилась дара речи.

– А что, здесь еще кто-нибудь присутствует? – с надменной холодностью откликнулся доктор.

– Вы, может быть, не совсем поняли, какую функцию я здесь призвана выполнять? – спросила я.

Доктор молча ухмылялся.

– Гораздо искуснее я готовлю взрывные устройства и все такое прочее, – адекватным тоном заявила я, глядя на него. – И если вы не знаете, кто такой бодигард, то я вам поясню: это человек, который является в дом клиента отнюдь не для того, чтобы сковородкой размахивать!

Григорий Семенович, выполняя услуги, ценность которых трудно оценить по заслугам, по-видимому, привык к тому, что в доме клиента его носят на руках и выполняют все его прихоти. Я же роль таковых «носилков» выполнять не собиралась. И не потому вовсе, что она как-то унижала мое достоинство. Как личный телохранитель Беккера я просто не имела на это права.

– Мой вам совет, – продолжила я, – не теряйте времени даром: поищите кухню и похозяйничайте на ней. Я, кстати, тоже от кофе не отказалась бы...

Григория Семеновича передернуло при моих последних словах, он сдавленно кашлянул, однако ничего не сказал. Не собираясь больше тратить время на перебранку, я отвернулась и стала обдумывать план возможных и необходимых действий.

Первой мне пришла в голову мысль выпустить собак. Как говорится, одна Жень – хорошо, но Жень с волкодавами – лучше. Открыть «будку» не составит труда, так как ключ от нее висит рядом, на большом толстом крючке. Это я заметила, когда мы с Беккером ходили любоваться на его питомцев. Однако сам собой напрашивался вопрос: как поведут себя песики, обнаружив на охраняемой ими территории меня, безраздельно на тот момент властвующую надо всем имуществом дома. Незнакомый человек у любой собаки вызывает соответствующую реакцию, а поведение пса, специально натасканного на уничтожение чужого, и вовсе предсказать нетрудно. Тем не менее отказываться от возникшей идеи я не хотела.

Подумав, я решила, что внимание животных вполне можно временно отвлечь, бросив им какую-нибудь пищу. Однако, по словам Витальки, Беккер-старший досыта накормил собак перед визитом гостей. Но, посмотрев на часы, я убедилась: времени прошло уже достаточно, четвероногие охранники успели слегка проголодаться, поэтому можно надеяться на удачное осуществление задуманного приема.

Доктор все еще сидел в кресле. Не говоря ни слова, я прошла мимо него и стала заглядывать в комнаты, пытаясь отыскать среди них кухню. Когда я нашла нужную дверь, из гостиной послышался самодовольный голос Григория Семеновича:

– Я люблю кофе без сливок!

Доктор, видимо, подумал, что «негодную» девчонку стали одолевать муки совести и она сдалась, решив выполнить его просьбу.

– Любите дальше, – весело крикнула я ему и открыла огромный, почти до потолка, холодильник.

В глаза сразу же бросилась ополовиненная палка копченой колбасы.

– Это мне подойдет, – пробормотала я и, прихватив с собой добычу, направилась к выходу.

Беккеры наверняка использовали собачий корм, но раз Валерий Павлович сегодня угощал их «человеческой» пищей, то и моя приманка должна была подействовать. Я надеялась, что животные все-таки проголодались. Вспомнив размеры собак, я попыталась представить, сколько пищи может уместиться в их желудках.

Оглядев саму себя с ног до головы, я остановилась в дверях кухни и подумала, что, если процесс общения с волкодавами пойдет не по моему плану, от меня могут остаться только рожки да ножки.

– Как выскочат, как выпрыгнут, – объясняла я себе, – и полетят клочки по зако-улочкам! Не-ет, зря я пистолет Витальке отдала. Хотя... И здесь можно что-нибудь подходящее найти. – Я стала один за другим выдвигать ящики столов, пока, наконец, не остановила выбор на длинной, довольно увесистой скалке. – К бою! – скомандовала я самой себе и решительным шагом вышла из кухни.

Вид мой, конечно, не предоставлял возможности догадаться, чем я собираюсь заниматься в ближайшее время: в одной руке скалка, в другой – полпалки колбасы. Поэтому вполне понятно, почему доктор, спокойно сидящий в кресле и терпеливо ожидающий кофе, онемел от удивления при виде того, как я, столь странно вооруженная, покидаю стены особняка.

Сойдя со ступенек крыльца, я двинулась вперед, пытаюсь вспомнить путь к собачьему замку. Буквально через несколько шагов мой слух уловил угрожающее рычание, быстро перешедшее в разъяренный лай. Волкодавы почувствовали приближение чужака. Стараясь не обращать на их грозный лай внимания, я быстрее зашагала вперед.

И вот моя рука потянулась за ключом от большого навесного замка. Пока я пыталась вставить ключ в отверстие, псы негодовали: они прыгали на дверь и изо всех сил шкрябали ее когтями, злясь на тщетность своих попыток достать меня.

– Черт возьми! – пробормотала я. – Ведь не догадалась даже спросить, как их окрестили! Сейчас, может, приласкать бы попыталась... – Освобождая замок из петли, я нежно протянула: – Ша-арик... – одновременно отметив про себя, что таких огромных псов скорее называли бы Шарищами.

Чувствуя довольно сильные толчки мощных собачьих лап в дверь, я с ужасом представляла, что будет, когда они вырвутся. Неожиданно мой взгляд натолкнулся на несколько кирпичей, аккуратно сложенных возле одной из стен «будки». Не вынимая замок из петель, я взяла пару из них и сложила так, чтобы они хотя бы на минуту-другую послужили помехой для ее открытия. И только тогда одним движением вытащила замок. После этого, чтобы остаться живой, мне пришлось огромными прыжками стремглав ринуться в сторону дома.

Собаки, почувствовав приближение желанной свободы, торкнулись в дверь сильнее. Кирпичи слегка отодвинулись, но все же пока мешали двери открыться полностью. Я летела что есть мочи. Буквально через полсекунды дверь с грохотом отскочила, и остервенелые псы пустились за мной. Я приостановилась и бросила им заветные полпалки колбасы. Бросила в сторону, довольно далеко. Прием подействовал! Волкодавы притормозили и рванули туда, куда упала колбаса. Не знаю, что повлекло их – запах мясной копчености или просто вид брошенного неопознанного предмета, способного оказаться опасным для хозяина. В любом случае это подарило мне небольшой запас времени.

Однако, как выяснилось, радоваться было рано. Распознав в найденном предмете всего лишь кусочек пищи, собаки вновь бросились за мной. Они гавкали и рычали так, что только от одних этих звуков можно было содрогнуться. Колбаса оказалась для них безынтересной. Либо псы были еще сыты, либо просто хорошо воспитаны. Но раздумывать по поводу причин безразличия волкодавов к вкусно пахнущей колбасе мне было некогда.

До крыльца оставалось шагов пять-шесть, когда я отчетливо почувствовала за спиной дыхание первого волкодава. Собрав последние силы, я рванула еще быстрее, хотя, возможно, мне это только показалось. Но говорят же: у людей в критические моменты могут проявляться просто нечеловеческие силы. Наверное, у меня они тогда возникли.

Помогло – или даже спасло меня! – то, чего я никак не ожидала. Григорий Семенович, услышав грозный лай, понял, что происходит неладное. Он вышел на крыльцо и увидел меня, на всех парах несущуюся к дому. Он открыл дверь и стоял на пороге, протягивая мне руку.

– С дороги! – закричала я ему, боясь, что псы собьют на землю нас обоих.

Доктор посторонился, и я, схватившись за перила, вскочила на первую ступеньку. В этот момент голень моей правой ноги проглат адская боль так, что в глазах потемнело. Я сразу соориентировалась: развернулась и с силой опустила скалку на огромную голову настигнувшего меня волкодава. Тот дико завыл и отступил немного. Подоспел и второй зверюга, но Григорий Семенович схватил меня за плечо и потянул за него, ускорив мое спасение. Я перепрыгнула через ступеньки, влетев вместе с доктором в дом, резко надавила на дверь обеими руками и, закрыв ее на замок, спиной прислонилась к ней, будто это могло помочь.

Волкодавы толкали дверь, как совсем недавно дверцу своей будки. К счастью, Беккеры позаботились о надежном входе в свое жилище, поэтому наконец-то я чувствовала себя в безопасности.

– Идемте скорее! – тревожно сказал Григорий Семенович.

– Дайте отдышаться, – ответила я, с трудом выговаривая слова. Сердце мое колотилось так, что, казалось, готово было выскочить наружу.

– Зачем вы пошли туда? – с укоризной заметил доктор и опустился возле меня на колени.

Я грешным делом подумала, что он серенаду петь начнет или, хуже того, ноги целовать. А он вдруг покачал головой и заявил:

– Надо продезинфицировать...

Я опустила голову и увидела, что по той голени, в которой неимоверно горело, струйкой бежит кровь.

Я отошла от двери и захромала по гостиной. Григорий Семенович опередил меня и стал копаться в своем чемоданчике. Я присела на краешек кресла и стала осматривать свою ногу. К счастью, это были только царапины, хотя и глубокие. Одна из собак успела «погладить» меня своими крепкими коготками.

– М-м-м, – сжав зубы, застонала я, почувствовав, как защипало рану: Григорий Семенович уже обрабатывал ее йодом.

– Зачем вы пошли туда? – вновь с укоризной спросил он.

– Собак отпустить, – не разжимая зубов, ответила я. – Так безопаснее. Видели же, какие они.

– Ви-идел, – доктор снова покачал головой. – Кажется, я начинаю вас уважать. И по такому случаю сам приготовлю кофе.

– Даже так? – не удержалась я от иронии.

– Мир? – Григорий Семенович протянул мне руку.

Я хлопнула по ней в знак согласия и откинулась на спинку кресла, так как обработка раны и перевязка ноги была закончена, а доктор отправился на кухню готовить кофе. Я закрыла глаза и стала глубоко дышать, пытаясь привести свой внутренний мир в нормальное состояние.

Вскоре доктор вернулся в гостиную с двумя чашечками кофе на золотистом подносе. Одну из них он протянул мне, а сам уселся в противоположное кресло и стал помешивать ложечкой дымящийся напиток.

В этот момент с дивана раздался стон.

Мы с доктором от неожиданности застыли в принятых позах и только спустя несколько секунд посмотрели на лежащего на диване Беккера. Он дернул рукой. Григорий Семенович тут же подскочил к нему, чтобы поддержать иголку капельницы, ведь она вполне могла выскочить. Беккер открыл глаза. Он тупо смотрел в потолок, наверное, пытаясь сообразить, где находится и что с ним вообще произошло.

– Все в порядке, – тихо сказал доктор, склонившись к Валерию Павловичу.

– Юля... – еле слышно протянул тот.

– Все в порядке, – еще раз успокаивающе прошептал врач. – И с Виталием Валерьевичем тоже. Все обошлось.

– Что со мной? – так же тихо произнес Беккер.

– Ничего серьезного, – доктор пожал плечами и слегка улыбнулся. – Завтра на ноги встаете. Только сейчас лежите спокойно, а то капельницу повредите. Вам отдыхать надо.

Беккер собрался еще что-то сказать, но доктор жестом остановил его, приказным тоном сказав:

– Все разговоры – до завтра!

Валерий Павлович послушался и закрыл глаза. По-видимому, он и сам пока не находил в себе сил говорить еще о чем-либо.

Я как-то успокоилась, обрадовавшись, что все на самом деле обошлось. Обрадовалась прежде всего за Витальку и его мать: несчастье с кем-то из близких – жуткое событие.

Собаки не переставали лаять и скрести дверь. Иногда, правда, их злобное гавканье сменялось отчаянным скулением. Внезапно звуки прекратились, и я насторожилась. Кто бы это мог быть?

Я быстро захромала к выключателю и погасила в гостиной свет. Затем подошла к окну и осторожно выглянула из-за занавески. Виталька удерживал одного из псов за ошейник и поглаживал его. Тот беспокойно поглядывал на дверь, но тем не менее молчал.

– Жень! – крикнул Беккер-младший.

Я смелее выглянула из-за занавески и несколько раз стукнула в стекло.

– Все в порядке, – сказал Виталька и стал успокаивать собак, что-то тихо приказным тоном объясняя им.

Те будто поняли его, сразу же улеглись на асфальт у входа в дом.

Я зажгла свет и вернулась на свое место. Доктор сидел, наблюдая за мной.

– Как он? – первым делом спросил Виталька, войдя в комнату.

– Пришел в себя, – сухо ответил доктор.

– Фу-у-у, – с облегчением произнес Виталька, – слава богу!

Затем он глянул на меня и с ужасом произнес:

– Что с твоей ногой? Что здесь произошло?

Я кратко рассказала Беккеру о случившемся, и он протянул мне принесенную им мою здоровенную «рабочую» сумку.

– Молодец! – сказала я, расстегнув сумку и убедившись, что Виталька принес все необходимое.

– Молоде-ец, – иронично передразнил меня Беккер. – Знаешь, что мне пришлось пережить? Твоя тетушка – просто монстр! Она меня не узнала и устроила целое расследование.

– Разве любой другой действовал бы по – другому? – задала я риторический вопрос, внутренне радуясь поведению не сдающей позиций бывшего юриста тетки.

– А волкодавы-то молодцы! – восхищенно заявил Виталька, присаживаясь напротив меня. – Жень, ты извини, конечно...

– Ничего, – успокоила я его, – нормальная сторожевая собака так и должна себя вести.

– Надо было мне самому спустить собак, да второпях растерялся и, честно говоря, вообще о них забыл.

Снова на улице послышался лай, и через некоторое время в комнату вошла Юлия Николаевна. Она повела себя так же, как и несколько минут назад ее сын: стала расспрашивать сначала о самочувствии мужа, потом о моей ноге и так далее.

Григорий Семенович все еще находился здесь. Он сделал Беккеру пару каких-то инъекций и вообще неусыпно следил за его состоянием. Судя по всему, домой он до утра не собирался.

Тем не менее время было позднее, и все мы, сидя кружком, поочередно зевали.

– Идите спать, – предложила я Беккерам.

– Разве уснешь сегодня? – сказали мать и сын почти в один голос.

– Сидеть здесь все равно нет смысла, – сказала я.

– А вы? – спросила Юлия Николаевна. – Вы... с Виталиком...

– Нет, я с Валерием Павловичем, – поняв мысль женщины, отрезала я.

У той глаза округлились от удивления, но, очевидно, вспомнив, какую функцию я здесь выполняю, она сказала:

– Я вам на кресле-кровати постелю.

– А я прямо здесь подремлю, – сказал доктор, не дожидаясь приглашения.

Я согласилась, но сначала попросила разрешения принять душ, после чего облачилась в принесенный Виталькой спортивный костюм, а в специальную петлю на поясе брюк вставила свой маленький, почти игрушечный пистолет «ПСМ». Теперь я при необходимости могла им воспользоваться, а он в то же время не доставлял неудобства. Кресло-кровать я подтащила поближе к дивану, на котором спал Беккер, и после этого опустилась в него, приняв полулежащее положение.

Юлия Николаевна и Виталька еще долго сидели в гостиной, но потом все же отправились по своим комнатам, не в силах побороть усталость. Но несколько раз за остаток ночи они поочередно спускались посмотреть, как чувствует себя глава семьи. Видимо, им не спалось как следует. Я же дремала, если можно так сказать, одним глазом, прислушиваясь к каждому шороху.

Глава 4

– Пчхи! Ну вот, кажется, простудился! – Эти слова заставили меня очнуться от полузабытья.

Я резко вскинула голову: Беккер-старший как ни в чем не бывало сидел на диване и нащупывал ногами тапочки, приготовленные, наверное, ему Юлией Николаевной.

– Э, э-э! – предупреждая воскликнула я и вскочила с постели. – Валерий Павлович! Ау!

Беккер спокойно посмотрел на меня, а потом спросил:

– Как спали?

– Я? – ошарашенным тоном произнесла я.

– Вы, – спокойно ответил тот.

– Я нормально. А вот вы не думаете ли, что все еще спите? – Я попыталась намекнуть клиенту на то положение, в котором он сейчас невольно оказался.

– Не думаю, увы. Та-ак, – Беккер попал, наконец, обеими ногами в тапки и попытался встать. – Сейчас же этого щенка ко мне! – вдруг разъяренным тоном заявил он.

– Кого, простите? – переспросила я.

В этот момент в дверях гостиной появился Григорий Семенович, держащий в руках зубную щетку. Вокруг его рта все было в белой пене «Колгейта». Он, по-видимому, осуществлял утренние водные процедуры и, услышав голос пациента, был шокирован.

– Валерий Павлович! – дико закричал он, брызгая пеной. – Сейчас же лягте! Я вам категорически запрещаю вставать! Вы хоть понимаете...

– Да все я понимаю! – Беккер махнул рукой. – Понимаю и поэтому намерен действовать, а не ожидать повторения произошедшего.

Валерий Павлович попытался встать, но потом пошатнулся и упал назад на диван. Мы с доктором одновременно подскочили к нему, встревоженно стали заглядывать ему в глаза.

Беккер зажмурился и, сцепив зубы, зло произнес: «Черт!»

– Лежите, умоляю, – уже более мягко попросил Григорий Семенович. – Вам нельзя так сразу.

– Сра-азу! – передразнил Валерий Павлович. – Давай коли, что там у тебя есть! Коли, чтоб я скорей встал на ноги!

Доктор послушно подошел к чемоданчику и, задумчиво посмотрев в него в течение нескольких секунд, вытащил коробочку, в каких обыкновенно бывают ампулы с растворами для различных инъекций. Вслед за этим Григорий Семенович достал из упаковки одноразовый шприц. Потом он осторожно извлек одну из ампул и стал специальной пилочкой царапать по ее кончику. Беккер вдруг неожиданно привстал и схватил врача за руку.

– Стой! – воскликнул он. – Что ты мне приготовил?

Валерий Павлович ловким движением вырвал из рук доктора ампулу и, ухмыльнувшись, прочитал:

– Ди-а-зе-пам... Господин лечащий врач! Я выспался достаточно хорошо. А вы меня опять к покою призвать хотите? Ну уж нет! Поищите-ка что-нибудь бодрящее!

Григорий Семенович, конечно, хотел как лучше. Он пытался вколоть Беккеру снотворное, которое позволило бы ему еще некоторое время находиться в столь необходимом для него самого состоянии покоя. Однако эти попытки оказались тщетными, и, поворчав, доктор все-таки вынужден был ввести Валерию Павловичу какое-то другое лекарство.

– А вы почему здесь? – потирая ягодицу, обратился ко мне Беккер-старший, будто только сейчас заметил мое присутствие.

Я только открыла рот, чтобы все объяснить, как позади раздался голос Витальки:

– Евгения с этого дня твой телохранитель, отец.

– Что? – произнес Валерий Павлович и, похрипывая, захохотал, однако почти в тот же момент успокоился, так как резкая боль в месте ранения дала о себе знать.

– Вот видите! – поспешил заметить Григорий Семенович. – Прилягте.

На этот раз Беккер-старший послушался и осторожно опустил на подушку. Виталька, не дожидаясь следующих вопросов отца, стал расписывать ему мое героическое прошлое, о котором тот сначала слушал равнодушно, но постепенно стал все более явно выражать свое удивление и даже восторг.

– Пожалуй, вы мне и на самом деле пригодитесь, Евгения. Беру вас на работу. Перейдем на «ты»?

– Насчет себя я не против, – ответила я, – а вот вы мне вроде как в папы...

– Неужели я совсем уж больше никуда не годен? – игриво произнес Беккер и даже подморгнул мне.

На его лице четко были видны следы одолевающей его боли и слабости, однако он всеми силами пытался скрыть их и казаться бодрым.

– Годен? На что годен? Куда годен? – слышалось сверху.

Завязывая тонкий поясик на длинном шелковом халате, наверху стояла Юлия Николаевна. Закончив эти незамысловатые действия, она бегом, как девочка, стала спускаться по лестнице и, преодолев последнюю ступеньку, кинулась к мужу.

– Как ты? Болит? – залепетала она.

– Все нормально, – тихо сказал Беккер, погладив ее по голове, а потом вдруг, резко перейдя на другой тон, воскликнул: – Сейчас же щенка этого ко мне!

Реплика насчет «щенка» повторялась им во второй раз, поэтому мне она показалась странной и имеющей непосредственное отношение к произошедшему.

– Так, – строго произнесла Юлия Николаевна, – сегодня ни о каких делах и речи быть не может!

Однако я решила перебить ее и вошла в разговор, сказав:

– Нет-нет, о щенке или как его там мы, пожалуй, с Валерием Павловичем поговорим. Кого вы сейчас так горячо призывали? – и я посмотрела Беккеру прямо в глаза.

– Вот молодец, девчонка! – довольный мной, воскликнул Беккер. – Знает дело! Виталька, принеси мой сотовый, хочу с этим подонком перечеркнуть.

– Объясните, наконец, о ком речь, – раздраженно заметила я, – мне же нужно быть в курсе дела. Вы кого-то подозреваете?

Честно говоря, я понимала, что смерть Беккера, столь крупной в городе фигуры, многим могла быть выгодна. Кому-то дорогу перешел, у кого-то просто зависть вызывает, кому-то подчиниться не хочет. И так далее. Однако, судя по всему, на уме у Валерия Павловича был какой-то определенный человек, личность которого ему особенно не давала покоя.

– Подозреваю, – буркнул Беккер и обратился к жене, не желая, очевидно, видеть ее свидетельницей предстоящего разговора: – Юлия, сообрази что-нибудь позавтракать.

– У вас появился аппетит? – довольным тоном спросил доктор.

– Да нет, – ответил Беккер, – не для меня, для...

– Евгении, – подсказал отцу Виталька, протягивая ему принесенный сотовый.

– Евгении, – подхватил Валерий Павлович, – мне-то ничего не хочется. Пить разве только.

– Рекомендую минералку, – тоном, не терпящим возражений, вставил Григорий Семенович.

– Есть такая буква, – ошарашенная «оживлением» мужа, Юлия Николаевна засеменила на кухню.

Доктор посмотрел на часы и сказал:

– Поскольку вы чувствуете себя удовлетворительно, я, пожалуй, удалюсь. А через пару часиков нагряну опять.

– Езжай, езжай, – Беккер махнул рукой.

Григорий Семенович глянул исподлобья на Витальку и сказал:

– Все рекомендации по уходу я еще вчера написал. Попрошу их придерживаться.

– Хорошо, хорошо, – ответил Виталька доктору и вслед за ним направился к выходу, откуда чуть позже донеслось: – Как же мы вам благодарны, Григорий Семенович! Если бы не вы... Спасибо! Большое спасибо!

– Чек или наличка? – сухо прервал восторженную речь Витальки доктор.

– Ч-чек, – заикнувшись, ответил Беккер-младший после некоторого молчания.

– Лучше наличка, – так же безэмоционально ответил Григорий Семенович. – И лучше сегодня же.

– Вот жук! – тихо пробормотал Валерий Павлович. – Но он, собака, свое дело знает! На «отлично» знает. Ему можно довериться. Ну что ж, Женя, к делу?

– Угу, – вздохнув, ответила я.

Валерий Павлович повертел в руках сотовый и стал набирать чей-то номер. Виталька отправился провожать доктора до калитки, потому что волкодавы все еще выполняли во дворе оборонительную функцию. Пока Беккер-старший ждал ответа, я сочла необходимым спросить:

– Насколько он опасен?

– Кто? – не понял Беккер-старший.

– Щенок, – пожав плечами, ответила я, так как другого имени первого беккеровского подозреваемого не знала.

– Кто-кто-о? – Валерий Павлович вновь хрипло захохотал, но вскоре ответил: – Такие люди вообще опасны. Опасны своей непредсказуемой подлостью. Они – шакалы по жизни. Шакалы, волочащиеся за своими тиграми-Шерханами, а потом на них же нападающие сзади. Щенок... – зло процедил Беккер.

В этот момент, судя по всему, кто-то ответил на звонок – лицо Валерия Павловича стало еще более серьезным.

– Беккер, – строго назвал он себя и через пару секунд добавил: – Сейчас же чтоб был у меня! Да, с деньгами, ты не ошибся. Только, милый мой, про проценты не забудь. Да, это последнее слово. А твоих ублюдков, которые вчера здесь порядок пытались навести, я из-под земли достану!

Собеседник Беккера, по-видимому, пытался оправдаться, так как Валерий Павлович несколько раз безапелляционно заявил:

– Слышать ничего не хочу!

Затем, вытерев со лба выступивший пот, он несколько минут молчаливо смотрел на сына.

– Езжай на завод, – вскоре сказал он Виталию. – Поотираешься там, поприслушиваешься, кто чего там говорит... Может, услышишь что-нибудь интересное. Только ни о чем не заговаривай сам. Будь спокоен, как будто ничего не произошло. Насчет меня станут спрашивать – соври что-нибудь. Уехал, мол, по делам.

Беккер-младший мгновенно отреагировал на отцовское замечание и, ничего не сказав, быстрым шагом отправился к себе в комнату, очевидно, для того, чтобы сменить одежду на более официальную, более подходящую для его статуса.

– А как же завтрак, сынок? – увидев промелькнувшего сына, крикнула с кухни Юлия Николаевна.

– Я на заводе в кафе позавтракаю, – отозвался Виталька.

– Правильное решение, – как бы самому себе сказал Валерий Павлович. – За едой у многих языки развязываются, поэтому такой завтрак может иметь двойную пользу для нас. Держи ушки на макушке, сынок.

Послышался странный звук, и мы оба обернулись. Из кухни в нашем направлении двигалась Юлия Николаевна. Она толкала впереди себя небольшой столик на колесиках, на котором были расставлены несколько со вкусом украшенных блюд. Посреди них величаво стоял стакан с минералкой и уютилась маленькая чашечка с дымящимся кофе.

– Позвони садовнику, – сказал жене Беккер, – пусть эти дни носа сюда не сует. Незачем ему все это видеть и слышать.

– А как же сад? – беспомощно протянула Юлия Николаевна.

– Господи, не об этом сейчас думать надо! – раздраженно заметил Беккер, но сразу же, наверное, проникнувшись жалостью к супруге, добавил: – Вчера все полито, а там видно будет. Но сегодня садовника здесь быть не должно.

Юлия Николаевна не стала перечить, понимая, что так на самом деле нужно, и тут же позвонила садовнику.

Дождавшись окончания ее разговора, Валерий Павлович распорядился:

– А ты по магазинам ступай. Купи себе чего-нибудь, платье там, косметику.

– Но ты же сам сказал: не об этом сейчас... – удивилась Юлия Николаевна.

– По-ез-жай, – строго продиктовал Беккер, – подруг навести. В общем, раньше вечера не показывайся.

Я поняла, почему Валерий Павлович дает такие указания. Судя по всему, самые жаркие события должны будут развернуться в пределах особняка, и он просто-напросто пытался оградить от них свое семейство.

Юлия Николаевна хмыкнула и поплелась в свою комнату. Она даже завтракать не стала. Беккер взял стакан с минералкой, а я, проголодавшись, без стеснения стала хватать вилкой то из одной, то из другой тарелки.

Вскоре в гостиной появился Виталька. Он надел строгие черные брюки, белую рубашку с коротким рукавом и галстук, который удивительно шел к его глазам.

– Мальчик с обложки журнала, – вздохнула я и восхищенно покачала головой.

– Э-э-э, Евгения, – жестом остановил меня Беккер-старший, строго-шутливо сказав: – Ты же ведь мой телохранитель. На другие тела не смей заглядываться!

Мы с Виталькой переглянулись и хихикнули. Я вдруг вспомнила, что газовый пистолет остался у Юлии Николаевны, а Виталька вообще ничего при себе не имел.

– Подожди, – сказала я ему и стала рыться в своей сумке, которая все еще находилась здесь, в гостиной, возле кресла, на котором я провела ночь. – Вот, – я протянула Витальке такой же маленький пистолет, который в этот момент находился при мне, – на всякий случай.

От Беккера-младшего пахло дорогим одеколоном, и я вновь почувствовала волну, которая пробежала по телу, как вчера, когда я сидела рядом с Виталькой на качелях. Он, кажется, уловил внезапно возникший у меня в глазах блеск и, взяв мою руку в свою, едва заметно пожал ее и тихо сказал:

– Все хорошо будет.

Сверху послышались шаги – спускалась Юлия Николаевна. Она лишь слегка подкрасилась, волосы собрала в пучок, заколов их на затылке, и облачилась в длинный лиловый сарафан из удивительно легкой ткани. На лице женщины еще был виден отпечаток ночных событий, но тем не менее любой бы мог с уверенностью сказать, что она настоящая красавица. Однако Валерий Павлович посмотрел как-то мимо жены, совсем не замечая той прелести, которой на мгновение очаровалась я. Что удивляться? Большое видится только на расстоянии...

– Хорошо выглядишь, – попытался Виталька подбодрить мать.

– Спасибо, – ответила она и едва заметно улыбнулась.

– Волкодавов на цепь посади, – попросила я Витальку, – иначе я калитку никому открыть не смогу.

– Хорошо.

Спустя несколько минут мы с Валерием Павловичем остались в доме одни. Воцарилось молчание. Беккер то и дело поглядывал на часы. Я же прислушивалась к посторонним звукам, стараясь не пропустить те из них, которые могли служить сигналом об опасности.

Глава 5

– Он? – спросила я Беккера, сидящего на диване, описав ему человека, которого в этот момент видела сквозь полупрозрачную занавеску.

– Он, – уверенно ответил Валерий Павлович.

Молодцеватый мужчина лет около тридцати закрывал дверцу новенького автомобиля «Пежо». Мужчина был очень сухопарым, худым настолько, что его лопатки, оттопыривая футболку, смешно торчали, подобно начинающим расти крыльям. Зато когда он обернулся и я увидела его глаза, мне как-то расхотелось считать его не умеющим летать птенцом. Он зыркнул на калитку таким взглядом, что в памяти сразу же промелькнуло определение, данное Валерием Павловичем: «Шакал!» Так я и решила про себя называть человека, явившегося по приказу Беккера.

Шакал не спеша пошел к калитке. Он держал свои длинные худые руки так далеко от туловища, что они напоминали коромысло. Или же можно было предположить, что он нес в них два арбуза, выронил и так и пошел дальше, не сменив позы.

Нажав на кнопку звонка, Шакал широко расставил ноги, смешно обтянутые слегка потертыми джинсами, уперся одной рукой в стену и деловито стал постукивать пальцами по домофону. Во второй руке он держал кожаную папку, чем-то набитую.

– Голова на палочке, попа на мочалочке, – тихо пропела я, успокоившись тем, что этот тип вряд ли может служить серьезной угрозой для жизни моего клиента.

Беккер ухмыльнулся и сказал:

– Ты его недооцениваешь. Иди открой, а то паренек притомился.

Я не стала прибегать к услугам домофона и намеревалась неожиданно появиться перед гостем. Однако это мне не удалось, так как привязанные Виталькой волкодавы при моем появлении на крыльце дома подняли неистовый лай. Они бешено кидались из стороны в сторону, пытаясь сорваться с цепи. Но ошейники только впивались в их шеи, и псы временами начинали хрипеть. В них, наверное, горела жажда отомстить за мой вчерашний побег, а один уж точно желал взять реванш за удар скалкой.

Я неторопливо открыла дверь, на всякий случай в уме прокручивая возможные варианты нападения Шакала и моего отражения их. Когда дело дошло до последнего замка, за дверью послышались тихие матерные проклятия. Я насторожилась. Затем рванула дверь на себя. Шакал неожиданно махнул рукой прямо перед моим носом. Реакция у меня мгновенная – резко выбросив вперед и вверх правую ногу, я ударила Шакала прямо под дых.

– Кха! – только и мог произнести он, сразу же согнувшись.

Я нанесла второй, более сильный удар, по его спине локтем, и Шакал, от боли выкатив глаза, рухнул на землю. Я наклонилась, схватила посетителя обеими руками под мышки и втащила на территорию двора. Затем перевернула на спину и наступила одной ногой на горло.

– Чего руками машешь? – тихо, но с угрозой произнесла я.

– Ты чего? Ты кто? – хрипел Шакал.

– А ну-ка, что там у тебя в авоське? – я наклонилась и попыталась взять из рук беспомощно распластанного на земле парня его папку. Но тот так вцепился в нее, что пришлось вновь применять силовые методы.

Я крепко обхватила одной рукой запястье Шакала и большим пальцем с силой нажала на одну из болевых точек. Пальцы его руки беспомощно и послушно разжались.

– Вот так бы сразу, – издевательски заметила я.

– Ногу убери... – прохрипел Шакал, стуча одной ладонью по земле.

В борьбе это служит сигналом боли у противника, который заставляет его капитулировать.

– Не будешь дергаться? – спросила я, тряхнув головой.

– Нет.

– Ладно. Только лежи. Не заставляй меня волноваться, мой мальчик, – предупредила я и стала расстегивать «молнию» на папке Шакала.

– Ты кто? Ты чего на меня накинулась? – залепетал он, потирая шею.

– А чего ты руками машешь перед дамой, а?

– Перед дамой? Ничего себе дама... Да я пчелу отгонял! Привязалась, сволочь, я отмахнуть хотел. Вон она и сейчас жужжит!

Я прислушалась. Где-то над моей головой на самом деле раздавалось назойливое пчелиное жужжание.

– Ну что ж, извини, – сказала я.

Шакал попытался встать.

– Лежи, лежи-и! – с угрозой чуть повысила голос я, вновь резко наступив ему на горло.

– Убери... – захрипел тот. – Я буду лежать.

Я убрала ногу.

– Ты кто? – не унимался Шакал.

– Домохозяйка, – пожав плечами, сказала я.

– Домо...? Где тебя такую взяли-то? И чего ты по сумкам шарить тогда?

– А мне Валерий Павлович сказал, что ты продукты доставить должен.

– Я принес, все принес, – залепетал Шакал. – С процентами.

– Та-ак, – протянула я, заглядывая в папку.

Она была набита деньгами. «Вот о чем Беккер говорил с ним по телефону!» – пронеслось в моей голове. Я стала прощупывать папку со всех сторон. Между деньгами определенно лежал еще какой-то предмет.

– Что это? – хитро протянула я, запустив руку внутрь папки.

Через минуту моя рука извлекла «ПМ», совсем новенький, необстрелянный.

– А пушечка что же, – язвительно процедила я, – на закуску?

– Да деньжищи-то какие везу... Я ж о защите подумать был должен, – испуганно стал оправдываться Шакал.

– Это мы конфискуем, – заявила я. – Ладно, идем. В доме разберемся. И не вздумай меня провоцировать резкими движениями.

Стреляя из стороны в сторону маленькими, глубоко посаженными глазками, Шакал осторожно поднялся.

– Иди вперед, – сказала я ему. – Шагай! Дернешься – будешь завтраком вон тех милых животных! – я кивнула на волкодавов, по-прежнему рвущихся с цепи. – Предупреждаю: они не слишком любезны, – и я жестом указала Шакалу на свою рану.

Миновав тропинку, ведущую к дому, мы друг за другом вошли в особняк. Беккер по-прежнему сидел на диване, только глаза его были наполнены тревогой и нетерпением. Увидев нас, он поднялся и неожиданно двинулся навстречу.

– Щенок! – воскликнул Валерий Павлович, схватив Шакала одной рукой за грудки. – Как ты смел! Да я тебя... Да я... – он стал трясти и без того перепуганного парня изо всех сил, кстати, неизвестно откуда у него в этот момент взявшихся.

– Да я все пр-привез, Палыч! – заикаясь, бормотал Шакал. – Все до копейки! Ну, ты! – одновременно вызывая и умоляя обратился он ко мне. – Скажи ему, ты же видела!

– Деньги здесь, Валерий Павлович. – Я постучала по папке.

– Ты че, Палыч? Я ни на час не опоздал, даже раньше приехал! Ты че?

– Та-ак, – решила я остановить Шакала на полуслове, – Валерий Павлович, мы далеко не уйдем. А ну-ка, выкладывай, – я кивнула пареньку, – с чего все началось?

Шакал недоумевающе посмотрел на нас обоих, но Беккер, неторопливо вернувшись к дивану, сказал:

– Рассказывай.

– Чудные вы, ей-богу, – пролепетал Шакал, вытирая ладонью пот со лба.

В следующие несколько минут мне пришлось выслушать историю, к сожалению, в наше время ставшую банальной. Год назад Шакал взял у Беккера солидную сумму в долг под проценты. Клялся возвратить ее не более чем через три месяца, а вот с выполнением обещанного решил почему-то повременить. Вероятнее всего, он надеялся на доброту и без того богатенького Валерия Павловича, который вряд ли бы, по его мнению, стал «нюни разводить» из-за столь мелких для него бабок. Надеялся Шакал еще и на давность своих взаимоотношений с Беккером. Однако Валерий Павлович «простить» Шакалу долг не захотел, так как тот в одном деле подставил его по-крупному. Предал, если говорить языком более литературным.

Последняя неделя стала своего рода кульминацией выяснения отношений между должником и работодателем. Беккер требовал свое, не забывая о набежавших процентах. Шакал упрямялся, так как отдавать, собственно говоря, к тому моменту ему было нечего – прогорел. В конце концов, дело дошло до того, что неизвестные Валерию Павловичу «сопляки», бритоголовые, а точнее сказать – безголовые ребятки лет семнадцати-восемнадцати стали встречать его повсюду с угрозами. Не угомонишься, мол, не только долга не увидишь, но и самого себя тоже.

Беккер, конечно, являлся фигурой более солидной и методы воздействия тоже имел более действенные и внушительные. Одним только серьезным разговором нанятых им людей с должником он смог добиться не только прекращения наездов, но и обещания вернуть все в строго назначенный день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.